

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ДЖЕФФРИ АЛЕКСАНДЕРОМ

— *Мой первый вопрос касается ваших корней. Откуда вы родом? Каков был путь вашего личного становления, где вы учились? Почему вы решили стать исследователем общества и общественных проблем?*

— Начнем с того, что моя семья не была типичной «семьей интеллектуалов». Это была еврейская семья среднего достатка, из предпринимательской среды. Моя бабушка по матери, Кейт, родилась в Одессе в 1889 г. Ее муж был из Польши. Его семья переехала в Соединенные Штаты из Польши примерно в то же время, что и семья моего отца. Отец был из еврейской семьи, его родители после революции 1848 г. приехали в Сан-Франциско — из-за золотой лихорадки. Кстати, их магазин находился рядом с магазином знаменитого изобретателя джинсов Леви Страусса. Они держали бакалейную лавку: продавали вино, чай, кофе.

Я вырос в Милуоки. Мой отец был рекламщиком (прямо как в сериале «Безумцы»). Он много писал: вел спортивную колонку и редактировал газету в колледже, в годы войны стал редактором журнала ВВС США и хорошо зарабатывал. Тогда мы переехали в пригород Милуоки. Интересно, что мой отец был единственным (!) евреем среди сотен жителей этого пригорода. Евреев часто дискриминировали в то время, хотя отец никогда особенно по этому поводу не переживал. В 1962 г., когда мне было 15 лет, он получил новую работу, и мы переехали в Лос-Анджелес. Может быть, тогда и началось мое социологическое образование, потому что я был потрясен тем, насколько люди и сама среда в Лос-Анджелесе отличались от Милуоки. Ведь Милуоки — это Средний Запад, край

искренних, честных и трудолюбивых людей. Лос-Анджелес же был шикарным, там было намного больше уровней социальных классов, и многие не стремились хорошо учиться, курили, пили пиво и т. д. Я же остался «хорошим мальчиком».

— *Что вас удерживало от соблазнов Лос-Анджелеса?*

— Думаю, то, что я все-таки был со Среднего Запада... но мне нравился Лос-Анджелес! Я понимал, что в моей новой школе как-то мало задают домашних заданий. Тогда моя мать пошла к директору школы и сказала ему: «В чем проблема? Почему моему сыну задают недостаточно домашних заданий?!» Забавная, конечно, была ситуация... Лично мне нравилось учиться, нравилось заниматься спортом — я вообще очень успешно интегрировался в американское общество. Меня приняли в Гарвард, а в моей средней школе (это была бесплатная школа) училось три тысячи представителей самых разных социальных классов и национальностей; особенно много было выходцев из Азии и Латинской Америки. Один из моих друзей в классе был азиатом, моя девушка была китайкой. Одним из самых запоминающихся моментов того времени была моя работа в рабочих районах, где не было ни одного белого. Хотя моя семья была достаточно богатой, отец считал так: «Я все свое заработал сам». Поэтому мне ничего не покупали, а я работал по выходным и все лето. Помню свою работу помощником официанта в ресторане. Это низшее звено в ресторане: мы убирали со столов, относили посуду в кухню. Мы не были официантами! Официанты — короли ресторана, а мы были пролетариатом! Так что я работал в нескольких ресторанах и на других не слишком престижных работах: собирал шарики на поле для гольфа, упаковывал продукты в бакалейной лавке, каждый день после школы разносил газеты... Кем я только не был!

— *Помог ли вам этот опыт в дальнейшей, академической деятельности — чтобы лучше понимать общество, например? Или вы были просто молодым человеком, стремившимся заработать немного денег?*

— Академическая деятельность? Что вы?! Я работал прежде всего потому, что был вынужден работать! Мой отец считал, что хотя мы и средний класс, я должен узнать «нормальную жизнь» и «мальчик должен работать», — что, в целом, было достаточно необычно для нашего социального класса. Что касается меня, то я наблюдал рабочий класс изнутри, из-под ярма, если так можно сказать. Во время каникул я был частью рабочего класса. И, признаться, меня захватывал весь этот опыт, потому что я узнал много бедных людей. Один из самых серьезных эпизодов произошел как-то летом: я работал в ресторане одного из самых фешенебельных загородных клубов, гольф-клуба, который не допускал евреев в свои члены! Это было в 1964 г., совсем недавно.

— *И это США, самая демократичная страна мира...*

— Ну, они и черных в клуб не принимали. Но все равно в Лос-Анджелесе все хорошо знали, что евреям туда путь заказан, поэтому состоятельные евреи организовали свой собственный загородный клуб. И вот я работал на кухне того клуба «без евреев», а все остальные на кухне были черными, из гетто. А единственный белый — я — был евреем. Те, кто работали там, были совершенно отрезаны от самого клуба.

— *А как тогда называли представителей разных рас? Были ли эти обидные клички вроде «ниггер», «жид» и так далее?*

— Нет, я не помню, чтобы меня как-то дразнили. Но вот что интересно, белые люди в ресторане совершенно не обращали внимания на работников — они просто нас не замечали. Но, знаете, я очень четко ощущал классовую разницу, когда был вынужден убирать грязную посуду в клубе, куда даже не пустили бы моих родителей... Я ненавидел все это. И при этом чувствовал огромную солидарность с моими ровесниками из гетто, из рабочего класса. Я познакомился с ними, они мне понравились, и мы общались, потому что много времени проводили вместе между подачей пищи, когда стояли там, в накрахмаленной униформе. Я даже написал рассказ о старике негре, которого приняли в официанты.

— *Вы опубликовали этот рассказ?*

— Нет, но я посылал его в еженедельник «Нью-Йоркер» и даже получил от них ободряющее письмо, в котором говорилось, что они, к сожалению, не могут напечатать этот рассказ, но с нетерпением будут ждать от меня следующего произведения. Мой школьный учитель, который и сам писатель, всегда рассказывает эту историю в качестве назидательного примера... Вообще я много писал. Когда я учился в Гарварде, я посещал курс по написанию художественных произведений. Я также был журналистом в ежедневной студенческой газете «Гарвард Кримсон»: писал туда длинные тематические статьи о социальных проблемах. Как бы то ни было, я думаю, что опыт времен школы мне многое открыл об обществе и пробудил во мне интерес к нему.

— *А почему вы выбрали Гарвард? Вы упомянули курс по написанию произведений; что вы еще изучали?*

— Почему я выбрал Гарвард? Все очень просто: это был лучший приз, который можно было выиграть. Там действительно был отбор. А я, в свою очередь, жаждал признания и новых возможностей.

— *То есть это был рациональный выбор, не просто порыв?*

— Верно, это был рациональный выбор, но в том числе и символический, и психологический. Это была форма признания. Если ты шел учиться в Гарвард, тебя ожидали самые широкие возможности. А мне хотелось выиграть эту гонку, все это и вправду ее напоминало. Из моего

выпуска в 700-800 школьников только трое были приняты в Гарвард, и это было почетно. Мне также дали стипендию, которая частично покрывала стоимость обучения, поскольку дела у отца шли не очень хорошо. Кроме того, мне пришлось брать кредит. В 1965 г. обучение в Гарварде стоило три тысячи долларов в год (сейчас — уже 50 тысяч). Так вот, из этих трех тысяч Гарвард выделил мне тысячу долларов в качестве стипендии, тысячу я брал в кредит, и еще одну тысячу за меня платил отец. И я все время оставался в Гарварде.

— *Вы жили на кампусе в Кембридже?*

— Да, конечно, в университетских общежитиях. Я жил там четыре года: начал в самом Гарварде, а потом переехал в университетский колледж (как в Оксфорде). Однако у меня двойственное отношение к Гарварду, к годам, проведенным там. Мне нравилась интеллектуальная жизнь в междисциплинарной среде, которую называли «социальные науки»; она включала в себя критическую теорию, социальную теорию, политические науки... Социология была смесью всего этого. Руководителем программы тогда был Беррингтон Мур, а затем Майкл Уолцер. Меня особенно привлекали идеи Уолцера. Там же я познакомился с Дэвидом Рисменом, Стэнли Хоффманом и т. д. Но я был «калифорнийским мальчиком»: в консервативной атмосфере Новой Англии мне было довольно неуютно. Кроме того, Гарвард и сам был консервативным заведением.

— *В чем выражалась эта консервативность?*

— Пожалуй, в том, что там все еще доминировала культура белых, пуританство и высший класс — то, что называется WASP. Все изменилось, и сегодня это уже совершенно другое заведение. Например, когда я учился, в моей параллели преобладали выпускники закрытых учебных заведений для высшего класса — частных средних школ Эксетер, Эндовер, Сент-Пол... Это школы, куда отправляли мальчиков с седьмого класса до двенадцатого — как в известных британских школах. И это очень хорошие школы. Но если из Эксетера в Гарвард попали 50 студентов, из Эндовера — 40, то из моей школы всего трое — и это в группе из 200 человек. Поэтому в университете сохранялось ощущение культуры этих закрытых школ, а вместе с тем — социальное неравенство и различия в культуре. Мы приехали из Калифорнии и чувствовали себя там, будто попали на Марс, — настолько все отличалось! Кроме того, после пары лет в Гарварде я присоединился к радикальному студенческому движению «Студенты за демократическое общество» (SDS). Я был частью культуры под девизом «секс, наркотики, рок-н-ролл», «Битлз» и рок-н-ролл появились как раз в то время. В общем, я стал частью контркультуры Гарварда.

— *Что стало причиной этого? Может быть, сама консервативная атмосфера заведения? Это был ваш юношеский протест против всего? Что двигало вами: литература, семейная история, идеалы?*

— Было много источников. Прежде всего, было очень мощное социальное движение в культуре и политике — такие были времена. Было движение за гражданские права. Все мы состояли в движении за гражданские права черных. Мы также ненавидели Вьетнамскую войну — мы чувствовали, что это безнравственная и несправедливая война. Мы ненавидели президента США, мы были против правительства и не собирались служить в армии. Мы не собирались ехать во Вьетнам. И, кстати, для каждого из нас это была большая проблема: кто-то попал в тюрьму, кто-то уехал в Канаду и т. д. Из-за всего этого мне и было некомфортно в Гарварде... Но когда я оглядываюсь назад, я вижу, что очень многому там научился, несмотря на все мое отношение к этому месту.

— *Так что же вы все-таки изучали в Гарварде?*

— Наибольшее впечатление на меня оказало чтение Токвиля, Вебера, Маркса. Мы читали их тексты на занятиях. Наиболее важным для себя считаю курс по групповой динамике — о теории малых групп. Я также слушал курс политической теории у Карла Фридриха. В конце обучения я слушал курс Парсонса по эволюционной теории, и тогда на меня большое влияние оказали идеи ученика Парсонса Марка Гоулда. Мне также нравилось читать интеллектуальную утопическую социальную теорию Маркузе, «Одномерный человек» и т. д. Я находился под сильным влиянием всех его книг в то время, потому что был левым, состоял в SDS и ориентировался в философии.

Я думаю, что именно опыт участия в движении левых, опыт критического отношения к обществу превратил меня в интеллектуала. Я шел в Гарвард, думая, что стану адвокатом или доктором и буду активно принимать участие в политике. Я даже не задумывался о жизни интеллектуала! Мне это просто в голову не приходило. Я был отличным студентом, но не думал об этом. Никто из моей семьи никогда не становился ни интеллектуалом, ни профессором, хотя у нас были хорошие студенты, они учились в медицинских вузах... Когда я примкнул к радикалам, я открыл для себя мир социальной теории. И это было важнее, чем занятия, хотя занятия тоже были очень важны. Я думал тогда про себя: «Я стану интеллектуалом и изменю общество!» Моим героем был Ч. Р. Миллс.

— *Правда?*

— Да. Я обожал его работы. Ну, Маркузе и Миллс, Дэвид Рисмен и т. д. Моими настоящими героями были «Биттлз» и «Роллинг Стоунс». Я писал музыкальные обзоры для «Лос-Анджелес Таймс» — я был пер-

вым обозревателем рок-н-ролла в одной из крупнейших американских газет! Я брал интервью, в том числе у «Doors».

— *Вы брали интервью у Джима Моррисона?!*

— Да. А также у Нила Янга, Бинга Кросби, «Смоки» Робинсона и других. У таких людей очень интересно брать интервью. Если подумать, то одним из главных моих занятий в университете была журналистика: я писал длинные исследовательские истории, примерно по 3000 слов, и это был мой социологический опыт. Именно собираясь стать интеллектуальным журналистом, я поехал в Беркли, который был тогда самым «левым» университетом. И еще я хотел вернуться назад, в Калифорнию.

— *Таким образом, вы сменили университет, тоже руководствуясь рациональным выбором?*

— Не уверен, что это было рационально... Вообще-то это был глубоко эмоциональный выбор! Меня вели совсем не открывающиеся жизненные перспективы. В то время я не понимал никаких профессиональных тонкостей академической жизни. Для меня это было просто глубокое ощущение того, что я хочу читать, писать и находиться рядом с другими критически настроенными мыслителями. И Беркли был в этом смысле хорошим местом. В мой первый год там я весьма активно участвовал в университетском движении левых. Но потом я постепенно стал, я бы сказал, демократическим социалистом. Я ушел из революционной политики, потому что был в смятении от того насилия, которое захлестнуло движение в США.

— *А когда же на первый план вышла социология? Вы рассматривали занятия социологией в качестве своего основного призвания?*

— Я стал серьезным социологическим теоретиком, когда написал четырехтомный труд «Теоретическая логика в социологии» — он был опубликован в 1982–1983 гг. Я начал работать над ним еще аспирантом, в начале 1970-х гг., когда думал, куда приведет меня дорога после марксизма.

— *То есть вы не хотели идти дальше с левыми?*

— Именно. Я хотел увидеть альтернативы.

— *Вы были левым, участвовали в движении и внезапно изменили свои взгляды? Как так случилось?*

— Дело в том, что студенческое движение, в котором я состоял, движение «новых левых», к началу 1970-х гг. раскололось на множество мелких кружков. Одни из них поддерживали конфронтацию с властями, поддерживали воинствующую тактику насилия. Я тоже в то время поддался этому порыву. Потом был откат, к власти пришли консерваторы во главе с Никсоном. Я помню Уотергейтский скандал, который для

меня стал решающим уроком демократии — того, как общество может дисциплинировать и наказывать, причем наказывать самых влиятельных своих представителей. Это открыло мне глаза на то, чего Маркс не заметил: в буржуазном обществе есть внутренние механизмы критики власти, публичные ритуалы критики. Это был потрясающий опыт, 1972—1974 гг., который привел меня из радикальных левых к умеренным левым. И в ходе всего этого я начал читать Вебера и Дюркгейма... Они были для меня диалогом — диалогом с марксизмом и Марксом. Я хотел понять их и поэтому написал «Теоретическую логику» как своеобразный диалог между Марксом, Вебером, Дюркгеймом и Парсонсом.

— *Мой следующий вопрос касается уже ваших научных достижений. Если перечислять ваши основные теоретические идеи, согласны ли вы, что первым из них будет неофункционализм, или неопарсонизм? Если да, то как бы вы описали свой путь, как вы пришли к этому? Почему Парсонс? Почему, скажем, не Гоффман?*

— Понимаете, Парсонс тогда доминировал. В принципе, моя интеллектуальная жизнь складывается из двух больших периодов. Первым была работа над неофункционализмом, а затем я начал развивать культурную социологию*. Тогда я уже перестал быть неофункционалистом, и это тоже долгая и сложная история...

— *Итак, вы упомянули, что отошли от неофункционализма в сторону культурной социологии и потому не хотели бы, чтобы вас больше связывали с ним?*

— Я объяснил, почему больше не хочу ассоциироваться с неофункционализмом во введении и заключении книги моих эссе «Неофункционализм и после», которая вышла в конце 1990-х гг. Но конечно, я многое сделал для его развития.

— *Как для движения или теоретической традиции?*

Как для теоретической традиции. Я пытался сформировать его как интеллектуальное движение. В течение двух десятилетий, с начала 1970-х гг. до начала 1990-х гг., я был очень в этом заинтересован. То, что мне нравилось в Парсонсе, — это его интеграция материализма и идеализма. Мне был симпатичен его баланс между экономикой и культурой, внимание к внутренней стороне личности, психологии, психоанализу, его инкорпорирование идей Фрейда, идеи по поводу солидарности, ценностей, понимание того, что модернизировать не означает радикального разрыва со смыслом и ценностями. Парсонс был переводчиком Вебера,

* См. перевод статьи Дж. Александера и Ф. Смита «Сильная программа в культуросоциологии» (2001) (Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. http://sociologica.hse.ru/s23/9_2_03.pdf).

очень талантливым интерпретатором классиков, по-настоящему европейским в Соединенных Штатах. Так что я был впечатлен всем этим. И я считал, что парсонсовское понимание свободы как «личностной свободы в сложном обществе» действительно глубоко. Он был единственным теоретиком двадцатого века в социологии, кто много времени посвятил тому, чтобы понять, что такое демократия. Но тогда, к середине 1980-х гг., я начал чувствовать себя «неудобно» с Парсонсом и неофункционализмом. Частично потому, что я выработал гораздо более сознательное отношение к сталинизму, антисемитизму и Холокосту. И когда я пытался понять эти шокирующие эпизоды массового убийства и репрессий, мне начинало казаться, что я все больше и больше убеждаюсь в том, что Парсонс слишком оптимистичен в отношении модернити. И я буквально чувствовал этот растущий антагонизм его эволюционной теории, которая, по существу, гласила, что «со временем положение дел становится все лучше и лучше». Я не мог оставаться с неофункционализмом после всего этого. Я чувствовал, что Парсонс недооценивает и отрицает силы агрессии и конфликта, антилиберализма, анти-Просвещения, которые были значительной частью модернити. Я также почувствовал, что он ошибся в рассуждениях о ценностях и не объяснил реальной динамики символических и нарративных процессов.

Так, находясь под влиянием Клиффорда Гирца и моего учителя Роберта Беллы, я начал изучать такие культурно-ориентированные традиции, как семиотика, структурализм, постструктурализм, герменевтика, нарративная теория, культурная антропология. Клиффорд Гирц, Виктор Тёрнер, Мэри Дуглас, Маршал Саллинз. И в 1995 г. я стал писать серии эмпирических и теоретических статей, которые были совершенно не парсонсианские: в них не было ссылок на Парсонса, они были «культурно-социологические», как я понимал этот термин в то время. Я отмечал разделение между «социологией культуры» и «культурной социологией». Вместе со Стивеном Сейдманом мы составили сборник эссе под названием «Культура и общество: современные дебаты». Так что в течение десяти лет, с середины 1980-х гг. до середины 1990-х гг., я был двуликим Янусом. С одной стороны, я продолжал развивать функционализм, а с другой — создавал работы совершенно иного плана. Наконец в 1993 г. я провел год в Европе с группой Алена Турена в Высшей школе социальных наук. Я был вдохновлен их политическими взглядами, их манерой делать социологию актуальной для общества, а также их заинтересованностью в социальных движениях. Это было время, когда я действительно прояснил для себя теорию гражданской сферы, которую начал развивать после месяца преподавания в Китае в 1989 г., когда раз-

разились события на площади Тяньаньмэнь. И я вернулся назад вместо того, чтобы озвучивать эти новые дебаты о гражданском обществе. Все выкристаллизовалось для меня в начале 1990-х гг. Я покинул неофункционалистский проект и взялся за культурную социологию. И я действительно начал формулирование теории гражданской сферы. С тех пор я больше не отворачивался от того, что стало ясным для меня 15 лет назад.

— *Нам выпал прекрасный шанс пригласить вас в качестве ключевого лектора на проект «Социология повседневности», который мы организуем вместе с Петром Штомпкой в СПбГУ. Эти два дня лекций, встреч и презентация в Санкт-Петербурге действительно знаменательны. Расскажите кратко об основных теоретических парадигмах, на которые вы опираетесь в своих рассуждениях.*

— Я бы сказал, что в последние 15 лет я пытался развивать широкую метатеоретическую ориентацию культурной социологии, написал большое количество статей об этом, редактировал сборники, проводил конференции и обучал студентов. Теоретический фокус здесь — на роли смысла, центральности интерпретации в герменевтической реконструкции и на определенных значимых эмпирических ходах. Например, первое, что вы делаете, — это пытаетесь найти культурные структуры, задействованные в данном социальном событии. Вам нужно изолировать их, как если бы действие было просто текстом, по известному выражению Поля Рикёра — «осмысленное действие как текст». После этого — только после — вы находите и воссоздаете с помощью вашей герменевтической креативности существующие культурные структуры, затем вы возвращаете их в контекст и создаете более многомерную теорию, т. е. объяснение действия с большим числом измерений, связанного с другими видами факторов. Я также расширил эту общую перспективу, представляя действие как перформанс*. Так я пытаюсь избежать культурного детерминизма сильной культурной теории, предоставляя актору возможность проявить независимость и креативность с помощью идеи перформанса. Перформанс представляет собой контингентное действие, совершаемое перед аудиторией. Так, культура — это проект для аудитории, отделенной от актора, и я пытаюсь приложить эту теорию к широкому спектру задач. Например, книга «Гражданская сфера» — это очень подробно изложенная модель того, как работает демократическое обще-

* Основные положения концепции изложены в книге под редакцией Дж. Александера, Б. Гизена и Дж. Мааста «Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual» («Социальный перформанс: символическое действие, культурная прагматика и ритуал»), Cambridge University Press, 2006.

ство; она ставит определенные исследовательские вопросы и задает исследовательскую проблематику. Другой проект, в котором я участвую вместе с Петром Штомпкой, Роном Айерманом, Бернардом Гизеном и Нейлом Смелзером, касается развития исследовательской программы культурной травмы — и это социальная, а не психологическая теория. В рамках этой теории мы уже реализовали ряд проектов, и для нас это достаточно важная исследовательская программа. В последнее время я пытаюсь связать культурную социологию с «материальной» проблематикой — работами по материальной культуре, эстетике, визуальности.

— *Поскольку мы говорим о культурной социологии, позвольте прояснить один важный вопрос. Каковы отношения сегодня между социологией и антропологией, в вашем понимании? Что представляет собой социология в наши дни, а что — антропология?*

— Я полагаю, что антропология и социология внутренне очень разрозненны. Если мы посмотрим на антропологию в Англии или в США, то увидим, что она, в целом, сильно отличается от той культурно-психологической и культурной антропологии, которую я много изучал и которая была так важна для меня в 1970-х и 1980-х гг. В последние 25 лет антропология ушла в сторону Фуко, постколониализма, Бурдьё. Так что я думаю, что произошли фундаментальные теоретические сдвиги, и современная антропология уже не является тем полем, которым она была, когда я сам (если можно так выразиться) осуществил свой «антропологический поворот». И хотя, знаете, антропология все еще остается потрясающей дисциплиной, она уже не является источником для культурной социологии. На самом деле, я считаю, что Клиффорд Гирц, и Дуглас, и Тёрнер до сих пор живы только в социологии, а не в антропологии — как она представлена.

— *Но ведь существует культурная антропология, философская антропология, по крайней мере у нас в университете есть такие кафедры. Что являет собой антропология в США? Вы считаете, она должным образом представлена?*

— Честно говоря, я думаю, что в США существует очень небольшое количество кафедр культурной антропологии, но она считается отдельным полем. И это совсем не то же самое, что культурная социология!

— *А где пролегают критерии? В методах? В теории?*

— Антропология использует, в основном, этнографический метод. В социологии, и в культурной социологии в том числе, этнография — это лишь один из инструментов. В то же время я думаю, что культурная социология очень интересна в текстовом анализе популярных медиа, например. И это не характерно для антропологии, которая все еще пользуется чисто этнографическим методом.

— *Как вы оцениваете роль культурной социологии, антропологии и всех социальных наук в обществе? Я имею в виду проект «публичной социологии» президента Международной социологической ассоциации Майкла Буравого, который также участвует в нашем проекте по изучению повседневности. По вашему мнению, какова роль культурной социологии, антропологии и, в целом, социальных наук для будущего?*

— Как интеллектуальное движение в рамках социологии, культурная социология не ориентирована на публику. Это внутреннее движение в рамках интеллектуального мира. Ее цель в том, чтобы реконструировать все многообразие разделений внутри социологии: социологию политики, семьи, гендера, экономическую социологию, социологию войны, расы... Мы верим, что культурно-ориентированный подход более гуманистичен, он делает социологию более чувствительной к человеческим надеждам и желаниям, проблемам агрессии, проблемам освобождения. Я думаю, что, по существу своему, поскольку культурная социология занимает самую радикальную антиэссенциалистскую позицию, мне кажется, что у нас есть важное моральное основание, чтобы внести свой вклад в социальные науки. При этом нельзя сказать о том, что мы политически ориентированы. Мы не содействуем расширению публичной сферы как таковой. Я, конечно, надеюсь, что моя работа по гражданской сфере* могла бы способствовать более широкому пониманию политики, но я не знаю, как это могло бы произойти. Я написал книгу о президентских выборах, она будет опубликована через несколько месяцев, и в ней используются идеи культурной социологии и теории гражданской сферы. Я надеюсь, что книгу будут читать и обсуждать в широких кругах. Это может способствовать проникновению идей в публичную сферу.

— *Продолжая эту линию, что вы порекомендуете читать молодым социологам? Какие книги каких авторов, какие виды теоретических традиций? Что, на ваш взгляд, самое важное?*

— Для меня самой важной персоной, чьи работы нужно читать, является Макс Вебер. Это нужно делать очень, очень тщательно. Макс Вебер основал различные области социологии и обладал широким видением современного общества и многих его слабостей, которые я описываю в собственных работах. Я также включу сюда Дюркгейма, особенно его последнюю книгу «Элементарные формы религиозной жизни». Я думаю, также нужно читать Парсонса...

* Alexander J. The Civil Sphere. Oxford: Oxford University Press, 2006. Об этой работе см. рец. Л.Г. Титаренко: Александер Дж. Гражданская сфера // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 151–154.

— *А как насчет современных работ? Кто входит в команду «лучших игроков» современных классиков?*

— Я не уверен, но думаю, что если бы я был молодым социологом, то хотел бы понять неoinституционализм, Джона Мейера и работы в области организационной теории, которая по-новому более культурно-ориентированна, но все еще сфокусирована на исследовании организаций. На месте молодого социолога я захотел бы узнать об этнографической традиции в американской социологии и британской, представленной работами Поля Уиллиса и Элайи Андерсона, ведь существует прекрасная этнографическая традиция исследования публики и социальных классов. Я бы подумал и о сравнительной исторической социологии, которая крайне важна сейчас для английской и особенно американской социологии, начиная от Беррингтона Мура, но реально от Теды Скочпол и Майкла Манна...

— *А также Чальза Тилли?*

— Чарльз Тилли, к работам которого у меня есть много замечаний, конечно, тоже очень важная сторона дискуссии.

— *Вы можете что-нибудь сказать о российской социологии?*

— Я почти ничего не знаю о российской социологии, но очень интересуюсь Россией, начиная с 1950-х гг. и до сегодняшнего момента: историей большевизма, великими произведениями российской литературы. Я огромный поклонник Толстого, Чехова, Достоевского, российских художников, особенно постреволюционных, Кандинского.

— *Это ведь не первый ваш визит в Россию? Находите ли вы отличия в повседневной жизни тогда и сейчас? Например, в академической атмосфере?*

— Должен предупредить, что мое знание в данном случае — это сравнительное знание, и очень поверхностное. Первый раз я побывал в Москве в 1991 г.

— *Это был еще Советский Союз?*

— Да, это было еще при Советском Союзе, когда Ельцин как раз боролся за пост президента Российской Федерации. В первый раз России было позволено выбирать своего собственного Президента, а Горбачев тогда был Президентом Советского Союза. Это было так интересно! Я был поражен закрытостью интеллектуальных институтов, таких мрачных. Меня поразила и публика, интеллектуалы, молодые люди, материальные трудности, с которыми они сталкивались. Это было очень, очень тревожное время. Несмотря на перестройку, в обществе было много коммунистического. Я вернулся в Россию лишь около двух лет назад, по приглашению Академии наук и Центра фундаментальной социологии Высшей школы экономики, которым руководит Александр Филиппов.

Теперь я был поражен огромными переменами, которые произошли. Это совершенно другое общество, и мой опыт участия вашей летней школе лишь подтвердил это: молодое поколение очень похоже на людей в Европе и США. Они теперь включены в Сеть через образование и через общение с совершенно другими профессорами, нежели ранее.

— *Если бы у вас была возможность оставить сообщение молодыми социологам из России и других стран бывшего СССР, то чтобы бы вы им посоветовали? Стоит ли им продолжать заниматься исследованиями в социологии?*

— Я думаю, что социология, в своем лучшем воплощении, — это королева социальных наук. Это единственная дисциплина, которая обладает действительно широким видением и может комбинировать множество различных подходов к обществу. Она рассматривает общество как целое, поэтому я считаю, что теория очень важна. Я желаю вам быть ориентированными на общество; будьте осторожны со сциентификацией социологии, когда социологию хотят слепить по образцу естественных наук; будьте открытыми к эмпирическим исследованиям и обращайтесь внимание не повсеместность культуры.

— *Большое спасибо за интервью.*

*Интервью провел профессор А.В. Резаев
Санкт-Петербург
21 июля 2010 г.*

Транскрипция и перевод с английского А.А. Широкаковой, А.В. Яцык

Краткая библиография

Профессор Джеффри С. Александер родился в 1947 г. в США.

Он получил степень бакалавра (В.А.) в Гарварде в 1969 г. и защитил докторскую диссертацию (Ph.D.) в Калифорнийском университете в Беркли в 1978 г. Дж. Александер работал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе с 1974 г. по 2001 г. С 2001 г. он является профессором социологии Йельского университета, где совместно с Роном Айерменом основал и возглавил Центр культурной социологии (Center for Cultural Sociology).

Исследовательские интересы Джеффри Александера лежат в области социальной теории, культуры и политики. Он является сторонником «сильной программы» в культурной социологии, изучая конфигурации культурных смыслов в различных сферах социальной жизни.

Образование

Ph.D. University of California, Berkeley, 1978

B.A. Harvard College, 1969, cum laude

Научно-исследовательская и преподавательская деятельность

Lillian Chavenson Saden Professor of Sociology, Yale University, 2004 -

Professor, Yale University, 2001–2004

Professor Emeritus, University of California, Los Angeles, 2001-

Professor, University of California, Los Angeles, 1981–2001

Assistant Professor, University of California, Los Angeles, 1976–1981

Lecturer, University of California, Berkeley, 1974–1976

Избранные публикации

Alexander J.C. *The Performance of Politics—Obama's Victory and the Democratic Struggle for Power*. New York: Oxford University Press, 2010.

Alexander J.C., Thompson K. *A Contemporary Introduction to Sociology: Culture and Society in Transition*. Paradigm Publishers, 2008.

Alexander J.C., Seidman S. *The New Social Theory Reader*. Second Edition. Routledge, 2008.

Alexander J.C. *The Civil Sphere*. New York: Oxford University Press, 2006.

Alexander J.C., Giesen B., Mast J.L. (eds.) *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Alexander J.C., Smith Ph. (eds.) *The Cambridge Companion to Durkheim*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, CA: University of California Press, 2004.

Alexander J.C. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press, 2003.

Smelser N.J., Alexander J.C. (eds.) *Diversity and Its Discontents: Cultural Conflict and Common Ground in Contemporary America*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Alexander J.C. (ed.) *Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1998.

Alexander J.C. *Neofunctionalism and After*. Blackwell, 1998.

Alexander J.C. *Fin-de-Si cle Social Theory: Relativism, Reduction and the Problem of Reason*. London: Verso Books, 1995.

Alexander J.C., Seidman S. (eds.) *Culture and Society: Contemporary Debates*, Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Alexander J.C., Colomy P. (eds.) *Differentiation Theory and Social Change: Historical and Comparative Perspective*. New York: Columbia University Press, 1990.

Alexander J.C. *Structure and Meaning: Relinking Classical Sociology*. New York: Columbia University Press, 1989.

Alexander J.C. *Action and Its Environments: Towards a New Synthesis*. New York: Columbia University Press, 1988.

Alexander J.C. *Twenty Lectures: Sociological Theory Since World War Two*. New York: Columbia University Press, 1987. (also published by Hutchinson, 1987).

Alexander J.C., Giesen B., Munch R., Smelser N. (eds.) *The Micro-Macro Link*. Berkeley and Los Angeles, Ca.: University of California Press, 1987.

Alexander J.C. *Theoretical Logic in Sociology*. University of California Press and Routledge & Kegan Paul, 1982-83:

vol. I: *Positivism, Presuppositions, and Current Controversies*

vol. II: *The Antinomies of Classical Thought. Marx and Durkheim*

vol. III: *The Classical Attempt at Synthesis: Max Weber*

vol. IV: *The Modern Attempt at Synthesis: Talcott Parsons*

на русском языке

Об интеллектуальных истоках «сильной программы» // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9 № 2.

Александр Д., Смит Ф. *Сильная программа в культурсоциологии: элементы структурной герменевтики* // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9 № 2.

Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. 2009. № 10.

Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1.

Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // Социология: методология, методы, математические модели. 2004. № 18–19.

Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10.

Парадоксы гражданского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 1.

После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество // Социология на пороге XX века: новые направления исследований / Ред.-сост. С.И. Григорьев и Ж. Коэнэн-Хуттер. М., 1998.

Новое теоретическое направление в социологии: одна из интерпретаций // Социология на пороге XX века: новые направления исследований / Ред.-сост. С.И. Григорьев и Ж. Коэнэн-Хуттер. М., 1998.

Интерпретация классики как теоретический аргумент: Талкотт Парсонс и его критики в послевоенный период // Современная зарубежная социология (70–80-е годы). М., 1993.

Александр Дж., Коломи П. *Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию* // Социологические исследования. 1992. № 10.